

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Вахрушева Е.А. Правосудие переходного периода как концепт и практика: политологический анализ. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10404 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 65–81.

УДК 329:330.5:330.8

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10404

Правосудие переходного периода как концепт и практика: политологический анализ¹

Евгения Александровна Вахрушева

кандидат политических наук,
научный сотрудник Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: evgenia.vakhrusheva@mail.ru
SPIN-код: 2733-3355

*Статья поступила 15.10.2020, принята к печати 03.12.2020,
доступна online 11.01.2021*

Концепт правосудия переходного периода занимает важное место в исследованиях проблем мира, урегулирования конфликтов и достижения общественного согласия в так называемых переходных обществах, являясь неотъемлемой частью современного мейнстримного политического дискурса. В рамках этого дискурса практики правосудия переходного периода позиционируются как необходимое условие для

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020–2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения», рук. – академик РАН В.Н. Руденко).

© Вахрушева Е.А., 2020

преодоления наследия репрессивных режимов прошлого и достижения общественного консенсуса в хрупких постконфликтных обществах, некогда сильно поляризованных и как следствие отличающихся слабой общегражданской идентичностью. В основном массиве публикаций, посвященных изучению различных аспектов правосудия переходного периода, этот феномен по умолчанию рассматривается как данность, причем исследователи ограничиваются анализом частных проблем и противоречий и не подвергают сомнению его соответствие специфике тех задач, которые он призван решать. В результате складывается довольно непротиворечивая картина, рисующая движение некогда раздираемых гражданскими и военными конфликтами обществ в едином направлении – в сторону демократии и рыночной экономики, движение, где процедуры правосудия переходного периода выполняют важнейшие функции примирения и восстановления нарушенных прав, способствующих достижению базового общественного согласия. Вместе с тем анализ конкретных кейсов реализации правосудия переходного периода в более широком социально-политическом контексте заставляет усомниться в том, что выявляемые и описываемые мейнстримными теориями проблемы правосудия переходного периода носят частный и ситуативный, а не структурный характер. В этой связи возникает острая потребность в комплексном рассмотрении феномена правосудия переходного периода, в том числе с привлечением методологии критического анализа. В настоящей статье доказывается тезис о том, что институт правосудия переходного периода не стал адекватным ответом на те сложные вызовы, которые стоят перед современными обществами, обремененными острыми социально-экономическими и политическими противоречиями. Как часть глобального нелиберального проекта правосудие переходного периода решает лишь отдельные задачи и направлено на закрепление нелиберального статуса-кво. Не является правосудие переходного периода и надежным способом достижения общественного согласия в постконфликтных обществах, дестабилизированных скрытыми и открытыми противоречиями. Продуцируемая им модель общественного согласия – это весьма хрупкий конструкт, выстраиваемый вокруг негативного образа прошлого и основанный на рентном принципе распределения благ и привилегий бенефициарами нового режима. Решение структурных проблем и противоречий, которые в действительности лежат в основе конфликтов и нестабильности в переходных обществах, требует не столько пересмотра частных практик и институтов, сколько радикального переформатирования глобальной политической парадигмы, которая должна центрироваться вокруг концепции социально-экономической справедливости.

Ключевые слова: правосудие переходного периода, общественное согласие, нелиберализм, социально-экономическая справедливость, политика памяти.

Понятие «правосудие переходного периода» (*transitional justice*) описывает совокупность правовых и политических механизмов и практик, которые получили широкое распространение во второй половине XX в. в обществах, именуемых в социальных науках переходными. Согласно доминирующему глобальному дискурсу, продуцируемому ведущими акторами мировой политики, эти механизмы призваны способствовать более эффективному движению таких обществ от авторитарных режимов к демократии и/или преодолению в этих обществах последствий гражданских конфликтов, сопряженных с масштабными актами насилия. Применительно к таким обществам правосудие переходного периода позиционируется

как необходимый шаг на пути к достижению общественного согласия (см.: Bunselmeyer 2020) – одновременно и цели, и условия эффективного функционирования любого общества. Важнейшей задачей переходного правосудия является конструирование широкого общественного консенсуса относительно событий прошлого и формирование общегражданской идентичности постконфликтного общества вокруг демократических ценностей. Однако действительно ли эти практики способствуют достижению декларируемых целей? Ведут ли они некогда расколотые общества к согласию и примирению? Какие идеологические предпосылки лежат в основе практик правосудия переходного периода и как они сопряжены с идеологическим контекстом глобального капитализма? Все эти вопросы требуют ответа для оценки потенциальной возможности использования тех или иных практик правосудия переходного периода в слабо консолидированных обществах.

С учетом специфики поставленных задач в настоящем исследовании феномен правосудия переходного периода будет рассматриваться в двух разрезах: и как практика, и как концепт. В этом контексте следует внести терминологическую ясность относительно рассматриваемого предмета, необходимость чего обусловлена, в числе прочего, множественностью смыслов слова *justice* в английском языке. Во-первых, использование понятия «правосудие» в настоящей статье несколько вразрез с его строгим значением в юридической науке обусловлено тем, что правосудие переходного периода носит гибридный политико-правовой характер, так и сложившейся практикой перевода понятия *transitional justice* на русский язык. Во-вторых, большое внимание в статье будет уделено проблеме справедливости в ее политико-философском измерении, поскольку в основе любой системы правосудия или любых системных попыток достичь общественного согласия и примирения имплицитно лежит то или иное понимание справедливости, оказывающее прямое влияние на политико-правовые практики.

Правосудие переходного периода: ключевые этапы развития. На практике правосудие переходного периода реализуется через такие механизмы, как трибуналы, комиссии правды и примирения, санкции, репарации, мемориальные проекты, институциональные реформы, констелляция которых в каждом случае детерминирована совокупностью институциональных и структурных факторов, характерных для конкретной постконфликтной ситуации. К настоящему времени в глобальном масштабе накоплен широчайший опыт реализации практик правосудия переходного периода – это и послевоенные Германия и Япония, и постмилитаристские режимы в странах Латинской Америки, и посткоммунистические государства Восточной Европы, и ЮАР после режима апартеида, и, наконец, страны «арабской весны».

Большинство исследователей разделяет точку зрения, согласно которой правосудие переходного периода как практика берет свое начало от Нюрнбергских трибуналов, проведенных под эгидой союзных сил (см.: Priemel, Stiller 2012; Teitel 2003; Zunino 2019 и др.). Анализируя эту связь, К. Примель и А. Стиллер подчеркивают, что именно Нюрнбергские трибуналы впервые воплотили в себе три элемента того, что составляет смысл современного

понятия и практики правосудия переходного периода, выполнив одновременно функции судебных процессов, чистки и исторического урока. По замечанию исследователей, «Нюрнбергские военные трибуналы одновременно преследовали цель привлечь к ответственности виновников преступлений, удалить их с ключевых позиций немецкого общества, будь то с государственных должностей или из сферы бизнеса, и создать целостный влиятельный исторический нарратив о Германии XX века и нацистском правлении» (Priemel, Stiller 2012: 3).

В свою очередь, возникновение дискурса правосудия переходного периода исследователи связывают с событиями 1980–1990-х гг., а именно демократическим транзитом Аргентины в 1983 г., падением коммунистических режимов в Восточной и Центральной Европе после 1989 г., активизацией международной уголовной юстиции после создания Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии в 1993 г. и созданием в 1995 г. в ЮАР Комиссии правды и примирения (Zunino 2019b).

История развития правосудия переходного периода отражает сложный, комплексный характер этого феномена, который детерминирован особенностями развития мировой политики и международных отношений, международного права, а также политико-правовыми процессами внутри отдельных государств. Исследовательница Рути Г. Тайтель проанализировала генеалогию правосудия переходного периода и выделила в его развитии три этапа. Эти этапы следует рассмотреть подробнее, поскольку подход Тайтель в некотором смысле является каноническим и разделяется многими исследователями, специализирующимися на проблемах правосудия переходного периода.

Ключевой характеристикой первого этапа, начало которого Тайтель, как и другие исследователи, связывает с Нюрнбергскими военными трибуналами, исследовательница называет доминирование международного права. Тайтель полагает, что правосудие после Второй мировой войны стало своеобразным критическим ответом на тот подход, который был реализован по результатам Первой мировой войны и который характеризовался проведением национальных трибуналов и применением принципа коллективной ответственности. Правосудие после Второй мировой войны, напротив, осуществлялось посредством международных военных трибуналов, а во главу угла был поставлен соответствующий духу либерализма принцип индивидуальной ответственности. Тайтель отмечает, что развитие модели правосудия переходного периода, сформировавшейся на первом этапе, было прервано началом холодной войны, которая ограничила возможности по экспорту этой модели. Тем не менее ее экспорт осуществлялся через заимствование договоров и конвенций, а приверженность индивидуальным правам, характерная для первой модели правосудия переходного периода, отразилась в развитии конституционализма в послевоенный период.

Начало второго этапа в развитии правосудия переходного периода Тайтель связывает с волной демократических транзитов, имевших место в Южной Америке в конце 1970-х – начале 1980-х гг. и затем распростра-

нившихся в Восточной Европе и Центральной Америке, а также с окончанием холодной войны. Важнейшей особенностью этого этапа, по мнению Тайтель, стал откат от нюрнбергских принципов правосудия, центрировавшихся вокруг международного права, и повсеместное учреждение национальных трибуналов, которые стали ключевыми субъектами правосудия переходного периода. Изменение вектора развития правосудия переходного периода в этой фазе его развития исследовательница объясняет спецификой политического контекста демократических транзитов, необходимостью решения переходными обществами локальных задач, связанных с процессами нациестроительства. Именно на этом этапе правосудие переходного периода начинает позиционироваться в национальных рамках как способ консолидации и примирения общества, как средство, необходимое для построения общегражданской идентичности.

Первая модель правосудия переходного периода, организованная вокруг международного права и провозглашающая принцип универсализма, оказалась не пригодной для решения частных национальных проблем и задач, которые в каждом конкретном случае были обусловлены особой констелляцией социальных и политических факторов, характером преступлений, совершенных прежним режимом и, что особенно важно, – необходимостью обеспечения легитимности новому режиму и достижения гражданского согласия и примирения. Именно поэтому, как отмечает Тайтель, идея верховенства права, которая была чрезвычайно значима на первом этапе развития правосудия переходного периода, на втором этапе утратила свою актуальность. В этой связи формирующаяся модель правосудия переходного периода приобрела более прагматичный характер и основывалась на множественных концепциях правосудия, которые появились на данном этапе. Вместе с тем приоритет национального правосудия, которое осуществлялось согласно нормам локального уголовного права, породило свои проблемы, «включая ретроактивность закона, искажение существующих законов, высокий уровень выборочного уголовного преследования и компрометацию судебной власти» (Teitel 2003: 76-77).

Недостаточные возможности национального права, особенно в части наличия средств и способов достижения общественного согласия и примирения, по мнению Тайтель, обусловили потребность в новых институциональных механизмах, которые могли бы заполнить эти лакуны. Таким важнейшим механизмом, по ее убеждению, стали комиссии правды. Присцила Хайнер, автор фундаментального труда «Неизъяснимая правда: противостоя государственному террору и преступлениям» отмечает: «...частично по причине ограниченной доступности судов, частично вследствие осознания того факта, что даже успешные судебные процессы не гарантируют разрешение конфликтов и уменьшение страданий, связанных с преступлениями прошлого, переходные режимы все чаще стали инициировать официальные процедуры, направленные на выявление правды (о прошлом.– Е. В.), которые становились центральным компонентом их политики в отношении преступлений прошлых режимов» (Hauner 2010: 14). Тайтель дает следующее определение комиссии правды: «...это официальный орган, обычно

учреждаемый национальным правительством с целью расследования, документирования и оглашения сведений о случаях нарушения прав человека в стране за определенный период времени» (Teitel 2003: 78). Первая подобная комиссия была создана в Аргентине в декабре 1983 г. Президентом Раулем Альфонсином под названием Национальная комиссия по расследованию исчезновений людей, которая сыграла ключевую роль в расследовании преступлений военной диктатуры в период с 1976 по 1983 г. и смогла сконструировать новый влиятельный нарратив об этих преступлениях (Crenzel 2008: 174). Во многом эта комиссия стала моделью для аналогичных структур, которые позднее учреждались в странах Латинской Америки и других регионах мира.

С интенцией к общественному согласию и примирению, использованием внесудебных механизмов, важнейшую роль среди которых играли комиссии правды, Тайтель связывает ключевой поворот в развитии правосудия переходного периода. По ее убеждению, сущностной особенностью модели правосудия переходного периода, сформировавшейся на втором этапе, стал ее восстановительный характер.

Характеризуя данную стадию развития правосудия переходного периода, важно указать, что она децентрировала сложившуюся на первом этапе вокруг международного права и международных трибуналов модель правосудия переходного периода. Интегрировав процессы, связанные с осуществлением правосудия различных акторов – неправительственных, правозащитных религиозных организаций, — сформировавшаяся на втором этапе модель абсорбировала дискурсы и аргументацию этих акторов, сформировавшиеся вне поля права, в результате чего дискурс правосудия переходного периода на втором этапе приобрел этическую модальность. Кроме того, включение в эти дискурсы понятия правды, самого по себе чрезвычайно дискуссионного и многогранного, породило множество вопросов к выработанной на этом этапе модели правосудия переходного периода. Так, Сюзан Бакли-Цистель, рассматривая феномен комиссий правды, доказывает, что интерпретация того, что считать правдой, сильнейшим образом детерминирована социальными и политическими контекстами, в которые эти дискурсы правды оказываются вплетены. Обращаясь к концепции «режим правды» Мишеля Фуко, исследовательница утверждает, что деятельность и выводы комиссий правды определяются существующими в конкретных обществах режимами правды, создают дискурсы прошлого, соответствующие этим режимам, и определяют дискурсивные рамки для политики после переходного периода (Buckley-Zistel 2015: 158). Таким образом, на втором этапе происходит очевидная политизация процедур и дискурсов правосудия переходного периода, в то время как на первом этапе этот феномен носил более выраженный правовой характер.

Новые черты правосудия переходного периода, которые определили специфику модели, сложившейся на втором этапе, сохранились и на третьем этапе. Переход к новому этапу Тайтель объясняет экспансией права войны, в частности международного гуманитарного права, в сферу реализации правосудия переходного периода (Teitel 2003: 89), которое обычно

ориентировано на урегулирование различного рода внутрисударственных, а не международных конфликтов. Символом этой тенденции, которую Тайтель называет «нормализацией правосудия переходного периода», исследовательница считает создание Международного уголовного суда, учрежденного Римским статутом, принятым в 1998 г. (Teitel 2003: 90). Таким образом, с появлением нового влиятельного международного субъекта в виде Международного уголовного суда на третьем этапе наблюдается своеобразное «закольцовывание» развития феномена правосудия переходного периода, которое вновь попадает в зону действия международного права, как это было на первом этапе. Тем не менее между первым и третьим этапом имеются существенные различия, которые характеризуют сложную, гибридную природу последнего и выражаются в беспрецедентном проникновении права войны в процессы, связанные с реализацией правосудия переходного периода на современном этапе.

Так, согласно статье 5 Римского статута, юрисдикция Международного уголовного суда включила в себя следующие виды преступлений: «а) преступление геноцида; b) преступления против человечности; с) военные преступления; d) преступление агрессии» (Римский статут... 2020: ст. 5). Статья 7 Статута определяет преступления против человечности как одно из следующих деяний: убийство, истребление, порабощение, депортация или насильственное перемещение населения, заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права, пытки и другие преступления. Причем указанные преступления признаются преступлениями против человечности, если «они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и если такое нападение совершается сознательно» (Римский статут... 2020: ст. 7). Устав Международного военного трибунала, являющегося приложением к Соглашению № 251 о преследовании и наказании главных военных преступников Европейской оси, подписанному в Лондоне 8 августа 1945 г., также относит преступления против человечности к юрисдикции Международного военного трибунала и дает определение этой категории преступлений: «...убийство, уничтожение, порабощение, депортация и другие жестокие действия, осуществленные против любого гражданского населения, до или во время войны, или преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам во исполнение или в связи с любым преступлением в рамках юрисдикции Трибунала, вне зависимости от того, нарушается ли внутреннее законодательство страны, где было совершено преступление» (Charter... : art. 6]. Таким образом, при сопоставлении двух определений видно, что более позднее исключает какую-либо привязку преступлений против человечества с войной и военным временем, тем самым существенно расширяя юрисдикцию Международного уголовного суда. Важнейшим практическим следствием этих изменений стала легитимация «войны против терроризма» и вмешательства во внутренние дела независимых государств по другим основаниям, как это было, к примеру, с Югославией. Эти интервенции обычно становятся отправной точкой для смены режимов в государствах, в дела

которых осуществляется внешнее вмешательство, что в свою очередь ведет к включению механизмов правосудия переходного периода.

Таким образом, на третьей стадии своего развития в связи с появлением норм международного права, фактически легитимирующих интервенции (как показывает практика, всегда в значительной степени детерминированные собственными интересами интервентов), правосудие переходного периода приобрело еще более сложный, гибридный характер, который необходимо учитывать при анализе практик реализации правосудия переходного периода на современном этапе.

Вместе с тем генеалогический ракурс, позволяющий рассмотреть этапы и логику развития феномена правосудия переходного периода, исключает возможность взглянуть на последний под другим углом зрения – тем, который американский марксист Фредрик Джеймисон называет тотализирующим (Вахрушева 2017). Этот взгляд позволяет отстраниться от частных и разглядеть контуры идеологического аппарата, который по умолчанию встроен в любую практико-ориентированную стратегию или политическую теорию. Без такого ракурса невозможна целостная оценка феномена правосудия переходного периода как способа достижения общественного согласия.

Идеологические предпосылки концепта и практики правосудия переходного периода. Исходя из критической исследовательской перспективы, Анна Францки и Мария Каролина Оларте утверждают, что теория правосудия переходного периода развивается как теория, которая ограничена контекстом своего возникновения, а именно условиями «либерального консенсуса» и исчезновением фундаментальных политических агонизмов после окончания холодной войны (Franzki, Olarte 2015: 202). Исследовательницы убедительно показывают, что теория правосудия переходного периода является частью неолиберального политического проекта, утверждая в качестве своей нормативной цели переход к демократии и рыночной экономике в ее неолиберальном варианте (Franzki, Olarte 2015).

Как отмечает В.С. Мартьянов, неолиберализм обладает своего рода понятийным контролем, позволяющим ему претендовать на обладание «монополией на интерпретацию онтологии современных обществ с помощью закрытого словаря объясняющих друг друга ключевых понятий» (Мартьянов 2020: 19). Категория правосудия переходного периода с очевидностью является частью этого словаря, поскольку базируется на концепции транзита и таким образом дискурсивно закрепляет неизбежность перехода к неолиберальной демократии. Несмотря на широкую критику транзитологии, ее сильное методологическое влияние в исследованиях социально-политических трансформаций по-прежнему сохраняется, а в последние годы даже зазвучали призывы к ее возвращению (Mohamedou, Sisk 2013: 9).

Впрочем, при детальном анализе можно увидеть, что связь между транзитологией и конвенциональными теориями правосудия переходного периода имеет более глубокую идеологическую природу. Ключевое объединяющее их неолиберальное основание состоит в отказе от учета структурных факторов общественного развития и смещении фокуса анализа

со структуры к агентам и институтам (Franzki, Olarte 2015: 213), в результате чего и в теории, и на практике предлагается учитывать исключительно политическое и правовое измерения соответствующих процессов, в то время как их экономическое и социальное измерения сознательно игнорируются. Показательными в этом смысле являются дискуссии об отказе от включения в новые конституции положений о социально-экономических правах, которые развернулись в посткоммунистических странах на фоне широко транслируемых экспертных мнений о сугубо декларативном характере упоминания этих прав в конституциях коммунистического периода (Teitel 1994).

В структурном смысле правосудие переходного периода в том виде, в котором оно представлено в рамках известных нам демократических транзитов, не нацелено на какие-либо радикальные изменения старого порядка, если этот порядок базировался на капиталистическом фундаменте. В этом случае меняется лишь политический фасад здания, а его социально-экономический фундамент в основных чертах сохраняет свою конфигурацию.

В политико-философском смысле неолиберальная природа правосудия переходного периода обнаруживается в имплицитной установке на желаемость изначального компромисса между сторонами конфликта, достижения описываемого в теории согласия и примирения между ними, которое должно стать своего рода точкой обнуления конфликта. На деле же это обнуление призвано обеспечить неприкосновенность экономических интересов допереходных элит за счет смещения фокуса внимания на восстановление политических и гражданских прав жертв конфликта. Этим же целям, по мнению Роберта Майстера, служат рассмотрение конфликта как отношений двух сторон – агрессоров и их жертв – и умалчивание об участии в этих отношениях третьей стороны – бенефициаров, которые не являются непосредственными исполнителями преступных актов, но в чьих интересах эти акты зачастую совершаются (Meister 2012: 20-49). Таким образом, наказывая непосредственных преступников и предлагая жертвам обнулить свои претензии к новой политической власти и встать на путь примирения, правосудие переходного периода наделяет жертв лишь ощущением моральной победы, в то время как фактическим победителем остаются бенефициары – прежние экономические элиты, которые сохраняют свое привилегированное положение при новой политической власти. В этой ситуации, соглашаясь на снятие конфликта таким способом, его жертвы как бы лишаются морального права на пересмотр его результатов и предъявление претензий новой власти в будущем.

В подобном контексте неслучайной представляется тесная связь транзитов и правосудия переходного периода с практиками политики памяти. Неолиберализм как идеологическая основа современности, объявив устами Френсиса Фукуямы конец истории, не предлагает и не способен предложить какую-либо утопию или проект будущего. Неолиберализм сконцентрирован на настоящем и воспроизводит такой режим историчности, который французский исследователь Франсуа Хартог называет «презентизмом». Специфика этого режима состоит в том, что настоящее имеет

интенцию стремительно превращаться в прошлое, поскольку в тот самый момент, в который оно происходит, настоящее стремится представить себя как историю, как свершившееся прошлое (Hartog 2016: 114). Таким образом, неспособный проектировать политики будущего неолиберализм закономерно обращается к прошлому, которое конструирует и контролирует при помощи специфических политик памяти. На этом фоне закономерным выглядит синхронизация во времени глобального подъема неолиберализма и бума памяти. Стоит отметить, что политики памяти существовали и до наступления эры неолиберализма, однако они функционировали в рамках принципиально иного режима историчности, когда политика ведущих мировых держав еще центрировалась вокруг проектов будущего, в частности вокруг идеи социального государства.

Принципиально отличны друг от друга и мнемонические этосы этих двух эпох. Так, если политики памяти после Второй мировой войны были основаны на идеях антифашизма (см.: Stone 2014), то мнемонический этос неолиберальной эпохи апеллирует к теме прав человека, нарушенных авторитарными режимами (см.: Meister 2012: 20-49; Моун 2012). И если антифашистский мнемонический этос до подъема неолиберализма одобрял коллективное действие, легитимировал и поощрял существование коллективных субъектов политического действия, то мнемонический этос, центрированный вокруг идеи прав человека, имплицитно отрицает любой коллективный акт, поскольку в своей основе принципиально индивидуалистичен. Из этой скрытой установки неолиберальных политик памяти закономерно возникает тенденция к психологизации дискурса памяти, важным элементом которого оказываются понятия «травма», «исцеление» и пр. Психологическая работа с жертвами преступлений становится важнейшей частью реализации правосудия переходного периода. В заблуждение здесь вводит лишь определение «коллективный», которое дополняет ключевые понятия дискурса, порождая такие популярные сегодня концепты, как «коллективная травма» и «коллективная память». Следует, однако, предположить, что в рамках неолиберальной парадигмы определение «коллективный» выполняет идеологическую функцию, описывая в действительности индивидуальный или – как максимум – групповой или межгрупповой опыт. Эта дискурсивная эквилибристика помогает проводникам неолиберальной идеологии сместить фокус внимания жертв преступлений на свои индивидуальные переживания и травмы и одновременно завуалировать то, что их действительно объединяет, – их классовые социально-экономические интересы.

Более того, сама политика виктимизации радикально трансформирует политическую реальность, поскольку, как отмечает Л.Г. Фишман, пострадавшие индивиды и группы в существующих социально-экономических условиях начинают охотно примерять на себя статус жертв с целью занять свою привилегированную нишу в рентной структуре общества (Фишман 2018). Как следствие, их претензии деградируют к требованию привилегий, а не равенства, то есть к получению для себя благ здесь и сейчас, а не к преодолению структурного неравенства и построения более справедливого общества в будущем.

Идеологическая природа правосудия переходного периода проявляется также и в его избирательности, в частности в ограниченном охвате тех случаев, которые описываются как практики правосудия переходного периода. В частности, в этот спектр долгое время не попадали мероприятия, осуществленные в КНР по результатам Третьего пленума ЦК КПК 11-го созыва и в СССР после XX съезда КПСС, а также в ряде других стран социалистического лагеря, несмотря на то что они по своему характеру соответствовали привычному набору мероприятий в рамках конвенционального понимания правосудия переходного периода. Так, в КНР был инициирован пересмотр наследия Мао Цзедуна, состоялся суд над «бандой четырех», были осуществлены некоторые выплаты репрессированным (Cook 2016: 25); в СССР был осужден культ личности и массово реабилитированы репрессированные в годы правления И.В. Сталина. Однако, будучи осуществленными в принципиально иной политической системе координат, эти изменения не могли быть истолкованы в рамках парадигмы правосудия переходного периода. И лишь в последние годы ученые заговорили о возможности «переходного правосудия без транзита», включив кейсы КНР, СССР и других социалистических стран в проблемное поле своих исследовательских проектов (Transitional Justice...).

Тот факт, что целью правосудия переходного периода не является достижение социально-экономической справедливости, подтверждается также и его сфокусированностью на актах физического насилия и невниманием к актам насилия экономического, что хорошо заметно на примере реализации репарационных программ. Так, изначально программы репараций в полном соответствии с традиционной парадигмой правосудия переходного периода были направлены на компенсацию нанесенного ущерба жертвам физического насилия, как например в Чили и Аргентине, и выплачивались в виде денежных дотаций в случае насильственной смерти, исчезновения, пыток, произвольного задержания, изгнания или на услуги образования и здравоохранения для выживших и семей жертв указанных преступлений (Roht-Arriaza 2014: 109). Случаи, когда репарации были нацелены на восстановление социально-экономических прав, крайне редки и в основном были связаны с реституцией изъятых земель (например, ЮАР, Колумбия).

Вместе с тем в последние годы в рамках парадигмы правосудия переходного периода наблюдается некоторый дискурсивный сдвиг в сторону проблематики экономического насилия, все чаще озвучивается признание ее важности на различных уровнях экспертного и политического общества. В частности, значимость социальных и экономических прав декларируется в некоторых документах ООН. Так, Руководящие указания Генерального Секретаря «О подходе Организации Объединенных наций к правосудию переходного периода» гласят, что ООН «стремится способствовать тому, чтобы в ходе реализации процессов и механизмов правосудия переходного периода были учтены коренные причины конфликта и репрессивного правления и борется с нарушением всех прав, включая экономические, социальные и культурные права» (Guidance Note...). Однако, несмотря

на этот сдвиг, который в целом следует оценивать позитивно, включение социально-экономической проблематики в концептуальное поле правосудия переходного периода представляется весьма проблематичным, поскольку предполагает радикальное реформатирование этой парадигмы с учетом идей структурного насилия и дистрибутивной справедливости, которые ценностно абсолютно чужды неолиберализму. В этой связи Зинаида Миллер отмечает, что перераспределение благ не является частью программы правосудия переходного периода (Miller 2008: 286); как следствие, «существующие программы репараций и компенсаций позволяют государству перераспределять блага только в крайне узком формате, обычно ограничиваясь выплатами тем, кого определяет механизм правосудия переходного периода» (Miller 2008: 284-285). В этом контексте в критическом ключе следует переосмыслить так называемые символические репарации, широко реализуемые в рамках правосудия переходного периода. Включая в себя различные практики мемориализации, символические репарации не только формируют определенный режим правды о прошлом, отвечающий интересам нового режима, но и выступают своего рода эрзацем материальных репараций, являясь одним из способов завуалировать притязания на дистрибутивную справедливость. Таким образом, являясь одним из элементов неолиберального аппарата, репарации решают лишь его частные задачи, направленные на стабилизацию новых режимов, а не на устранение структурных предпосылок конфликтов. Более того, если абстрагироваться от условий, в которых происходит нарушение прав тех или иных категорий населения, то можно увидеть, что сама неолиберальная экономика создает предпосылки для структурного социально-экономического насилия, ярким примером чего являются разворачивающиеся в развитых странах мира процессы джентрификации.

Осознавая описанные ограничения существующих теорий и практик правосудия переходного периода, некоторые исследователи настаивают на движении от концепции переходного правосудия в сторону концепции трансформирующего (преобразующего) правосудия, понимаемого как «трансформативные изменения, акцентирующие внимание на локальных агентах и ресурсах, приоритете процесса перед заранее сформулированными результатами и преодолении ассиметричных и перекрестных властных отношений, а также структур исключения как на локальном, так и глобальном уровнях» (Gready, Robins 2014: 340). Сторонники трансформирующего правосудия считают, что одним из его базовых ценностных оснований должна быть социально-экономическая справедливость, функционирующая одновременно и как историческая справедливость, предполагающая репарации и реституции за преступления прошлого, и как дистрибутивная справедливость, обращенная в будущее и нацеленная на элиминацию факторов структурного насилия (Lambourine 2015: 28-29). Однако в большинстве своем данные исследователи продолжают оставаться в рамках конвенциональной парадигмы правосудия переходного периода и в широком смысле не подвергают сомнению сам неолиберальный порядок, который является источником структурного насилия.

Таким образом, являясь существенным элементом глобального неолиберального проекта, правосудие переходного периода, несмотря на те позитивные цели, которые оно декларирует, не способно решать проблемы, связанные со структурным насилием. Будучи сконцентрированными на частных проблемах прошлого, оно скорее направлено на умиротворение и закрепление в постконфликтных обществах статуса-кво, вписывающегося в строгие рамки глобального неолиберального порядка. В то же время столь необходимая реконфигурация концепции и практик правосудия переходного периода вокруг идеи социально-экономической справедливости, о чем говорят некоторые исследователи, работающие в рамках конвенциональной парадигмы, представляется проблематичной, поскольку предполагает включение дистрибутивных механизмов и других практик, чуждых неолиберальному капитализму.

Как следствие, не является правосудие переходного периода и надежным способом достижения общественного согласия в постконфликтных обществах, дестабилизированных скрытыми и открытыми противоречиями. Продуцируемая им модель общественного согласия – это весьма хрупкий конструкт, выстраиваемый вокруг негативного образа прошлого и основанный на рентном принципе распределения благ и привилегий бенефициарами нового режима.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вахрушева Е.А. 2017. Политическая философия Фредрика Джемисона : дис. ... канд. полит. наук. Москва. 157 с.
- Мартьянов В.С. 2020. Понятийный кризис западного мейнстрима // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 2. С. 19-31.
- Фишман Л.Г. 2018. Жертва и рента // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. № 44. С. 94-102.
- Buckley-Zistel S. 2015. Narrative Truths: On the Construction of the Truth Commissions // *Transitional Justice Theories* / ed. by Susanne Buckley-Zistel, Teresa Koloma Beck, Christian Brown and Friederike Mieth. Abingdon : Routledge. P. 144-162.
- Bunselmeyer E. 2020. Truth, Reparations, and Social Cohesion: Transitional Justice Lessons from Peru. Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge. 240 p.
- Charter of the International military tribunal. URL: https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocity-crimes/Doc.2_Charter%20of%20IMT%201945.pdf (дата обращения: 01.11.2020).
- Crenzel E. 2008. Argentina's National Commission on the Disappearance of Persons: Contributions to Transitional Justice // *The International Journal of Transitional Justice*. Vol. 2. P. 173-191.
- Franzki H., Olarte M.C. 2015. Understanding the Political Economy of Transitional Justice: a Critical Theory Perspective // *Transitional Justice Theories* / ed. by Susanne Buckley-Zistel, Teresa Koloma Beck, Christian Brown and Friederike Mieth. Abingdon : Routledge. P. 201-221.
- Gready P., Robins S. 2014. From Transitional to Transformative Justice: A New Agenda for Practice // *The International Journal of Transitional Justice*. Vol. 8. P. 339-361.
- Guidance Note of the Secretary-General. United Nations Approach to Transitional Justice. March 2010. URL: https://www.un.org/ruleoflaw/files/TJ_Guidance_Note_March_2010FINAL.pdf. (дата обращения: 11.11.2020).

Hartog F. 2016. Regimes of Historicity. Presentism and Experiences of Time. New York : Columbia Univ. Press. 288 p.

Hayner P.B. 2010. Unspeakable Truths: Transitional Justice and the Challenge of Truth Commissions. Routledge. 376 p.

Lambourine W. 2015. Transformative Justice, Reconciliation and Peacebuilding // Transitional Justice Theories / ed. by Susanne Buckley-Zistel, Teresa Koloma Beck, Christian Brown and Friederike Mieth. Abingdon : Routledge. P. 19-39.

Meister R. 2012. After Evil: a Politics of Human Rights. New York : Columbia Univ. Press. 526 p.

Miller Z. 2008. Effects of Invisibility: In Search of the “Economic” in Transitional Justice // International Journal of Transitional Justice. Vol. 2. P. 266-291.

Mohamedou M.M.O., Sisk T.D. 2013. Bringing Back Transitivity: Democratisation in the 21st Century // GCSP – Geneva Papers – Research Series. № 13, November. 36 p.

Moyn S. 2012. The Last Utopia: Human Rights in History. Belknap Press : An Imprint of Harvard University Press. 352 p.

Priemel K., Stiller A. 2012. Nuremberg’s Narratives. Revisiting the Legacy of the “Subsequent Trials” // Reassessing the Nuremberg Military Tribunals: Transitional Justice, Trial Narratives and Historiography/ ed. by Kim C. Priemel and Alexa Stiller. New York ; Oxford : Berghahn Books. 334 p.

Roht-Arriaza N. 2014. Reparations and Economic, Social, and Cultural Rights // Transition Justice and Economic Violence in Transition / ed. by Dustin N. Sharp. Springer. P. 109-138.

Stone D. 2014. Goodbye to All That?: A History of Europe Since 1945. New York : Oxford Univ. Press. 480 p.

Teitel R.G. 1994. Post-Communist Constitutionalism: a Transitional Perspective // Columbia Human Rights Law Review. Vol. 26. P. 166-190.

Teitel R.G. 2003. Transitional Justice Genealogy // Harvard Human Rights Journal. Vol. 16. P. 69-94.

Transitional Justice without Transition? Redressing Past Injustices under State Socialism. URL: <https://www.hsozkult.de/conferencereport/id/tagungsberichte-8278> (дата обращения: 11.11.2020).

Zunino M. 2019. Justice Framed: A Genealogy of Transitional Justice. Cambridge, UK : Cambridge Univ. Press. 318 p.

Zunino M. 2019. The Origins of Transitional Justice, July 9. URL: <https://grojil.org/2019/07/09/the-origins-of-transitional-justice/> (дата обращения: 11.11.2020).

Римский статут Международного уголовного суда : Вступил в силу 1 июля 2020 г. URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 15.10.2020).

Evgenia A. Vakhrusheva, Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: evgenia.vakhrusheva@mail.ru
SPIN-код: 2733-3355

Article received 15.10.2020, accepted 03.12.2020, available online 11.01.2021

Transitional Justice as a Concept and Practice Through the Prism of Political Science

Abstract. The concept of transitional justice occupies an important place in the study of the problem of peace, conflict resolution and social cohesion in the so-called transitional societies, being an integral part of contemporary mainstream political discourse. Within the framework of this discourse, the practice of transitional justice is positioned as necessary condition for overcoming the legacy of the repressive regimes of the past and achieving public consensus in fragile post-conflict societies, which were once highly polarized and, as a result, characterized by a weak common civic identity. The main body of research is devoted to the analysis of various aspects of transitional justice; by default, it is considered as taken for granted. The research is limited to the analysis of its particular problems and contradictions not questioning its relevance to the specifics of the tasks it was designed to solve. As a result, a fairly consistent picture has emerged that depicts a movement of societies once torn apart by civil and military conflicts in a single direction – towards democracy and market economy, a movement where transitional justice procedures perform the most important functions of reconciliation and restoration of violated rights, contributing to the achievement of basic social cohesion. At the same time, the analysis of specific cases of transitional justice implementation in a broader socio-political context provokes doubts in the idea that the weaknesses of transitional justice, identified and described by mainstream theories, are not of structural nature, but rather particular and situational ones. In this regard, there is an urgent need for a comprehensive consideration of the phenomenon of transitional justice involving the methodology of critical analysis. This article proves that transitional justice could not be seen as an adequate response to the complex challenges facing contemporary societies burdened with acute socio-economic and political contradictions. As a part of a global neoliberal project, transitional justice solves only specific problems, and is rather aimed at consolidating the neoliberal status quo. Transitional justice is not a reliable way to achieve social cohesion in post-conflict societies, destabilized by hidden and overt tensions. The model of social cohesion it produces is a very fragile construct built on a negative image of the past and based on the rent principle of benefits and privileges distribution by the beneficiaries of the new regime. Solving the structural problems and contradictions that actually underlie the conflicts and instability in the so-called societies in transition, require not just a revision of particular practices and institutions, but a radical reformatting of the global political paradigm, which should be centered around the concept of socio-economic justice.

Keywords: transitional justice; social cohesion; neoliberalism; socio-economic justice; politics of memory.

For citation: Vakhrusheva E.A. *Pravosudie perekhodnogo perioda kak kontsept i praktika: politologicheskii analiz* [Transitional Justice as a Concept and Practice Through the Prism of Political Science], *Antinomii = Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 65-81. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10404. (in Russ.).

The article was prepared with the support of the Program of Fundamental and Applied Scientific Research “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening of Civic Identity”, 2020–2022. (project “Public Harmony in Russia and the Construction of Civic Identity as a Way to Achieve It”, headed by Academician of the Russian Academy of Sciences V.N. Rudenko).

References

Buckley-Zistel S. Narrative Truths: On the Construction of the Truth Commissions, S. Buckley-Zistel, T. Koloma Beck, Ch. Brown, F. Mieth (eds.), *Transitional Justice Theories*, Abingdon, Routledge, 2015, pp. 144-162.

Bunselmeyer E. *Truth, Reparations, and Social Cohesion: Transitional Justice Lessons from Peru*, Abingdon, Oxon, New York, Routledge, 2020, 240 p.

Charter of the International military tribunal, available at: https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocity-crimes/Doc.2_Charter%20of%20IMT%201945.pdf (accessed November 01, 2020).

Crenzel E. Argentina's National Commission on the Disappearance of Persons: Contributions to Transitional Justice, *The International Journal of Transitional Justice*, 2008, vol. 2, pp. 173-191.

Fishman L.G. *Zhertva i renta* [The victim and the rent], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2018, no. 44, pp. 94-102. (in Russ.).

Franzki H., Olarte M.C. Understanding the Political Economy of Transitional Justice: a Critical Theory Perspective, S. Buckley-Zistel, T. Koloma Beck, Ch. Brown, F. Mieth (eds.), *Transitional Justice Theories*, Abingdon, Routledge, 2015, pp. 201-221.

Gready P., Robins S. From Transitional to Transformative Justice: A New Agenda for Practice, *The International Journal of Transitional Justice*, 2014, vol. 8, pp. 339-361.

Guidance Note of the Secretary-General. United Nations Approach to Transitional Justice. March 2010, available at: https://www.un.org/ruleoflaw/files/TJ_Guidance_Note_March_2010FINAL.pdf. (accessed November 11, 2020).

Hartog F. *Regimes of Historicity. Presentism and Experiences of Time*, New York, Columbia Univ. Press, 2016, 288 p.

Hayner P.B. *Unspeakable Truths: Transitional Justice and the Challenge of Truth Commissions*, Routledge, 2010, 376 p.

Lambourine W. Transformative Justice, Reconciliation and Peacebuilding, S. Buckley-Zistel, T. Koloma Beck, Ch. Brown, F. Mieth (eds.), *Transitional Justice Theories*, Abingdon, Routledge, 2015, pp. 19-39.

Martyanov V.S. *Ponyatiynnyy krizis zapadnogo meynstrima* [The Conceptual crisis of the Western mainstream], *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2020, no. 2, pp. 19-31. (in Russ.).

Meister R. *After Evil: a Politics of Human Rights*, New York, Columbia Univ. Press, 2012, 526 p.

Miller Z. Effects of Invisibility: In Search of the 'Economic' in Transitional Justice, *International Journal of Transitional Justice*, 2008, vol. 2, pp. 266-291.

Mohamedou M.M.O., Sisk T.D. Bringing Back Transitology: Democratisation in the 21st Century, *GCSP – Geneva Papers – Research Series*, 2013, no. 13, November, 36 p.

Moyn S. *The Last Utopia: Human Rights in History*, Belknap Press, An Imprint of Harvard Univ. Press, 2012, 352 p.

Priemel K., Stiller A. Nuremberg's Narratives. Revisiting the Legacy of the "Subsequent Trials", K.C. Priemel, A. Stiller (eds.), *Reassessing the Nuremberg Military Tribunals: Transitional Justice, Trial Narratives and Historiography*, New York, Oxford, Berghahn Books, 2012, 334 p.

Rimskiy statut Mezhdunarodnogo ugovnogo suda : Vstupil v silu 1 iyulya 2020 g. [Rome Statute of the International Criminal Court: Entered into force on 1 July 2020], available at: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (accessed October 15, 2020). (in Russ.).

Roht-Arriaza N. Reparations and Economic, Social, and Cultural Rights, D.N. Sharp (ed.), *Transition Justice and Economic Violence in Transition*, Springer, 2014, pp. 109-138.

Stone D. *Goodbye to All That?: A History of Europe Since 1945*, New York, Oxford Univ. Press, 2014, 480 p.

Teitel R.G. Post-Communist Constitutionalism: a Transitional Perspective, *Columbia Human Rights Law Review*, 1994, vol. 26, pp. 166-190.

Teitel R.G. Transitional Justice Genealogy, *Harvard Human Rights Journal*, 2003, vol. 16, pp. 69-94.

Transitional Justice without Transition? Redressing Past Injustices under State Socialism, available at: <https://www.hsozkult.de/conferencereport/id/tagungsberichte-8278> (accessed November 11, 2020).

Vakhrusheva E.A. *Politicheskaya filosofiya Fredrika Dzhemisona : dis. ... kand. polit. nauk* [The Political Philosophy of Fredrik Jamieson: Dissertation], Moscow, 2017, 157 p. (in Russ.).

Zunino M. *Justice Framed: A Genealogy of Transitional Justice*, Cambridge, UK, Cambridge Univ. Press, 2019, 318 p.

Zunino M. *The Origins of Transitional Justice*, July 9, 2019, available at: <https://grojil.org/2019/07/09/the-origins-of-transitional-justice/> (accessed November 11, 2020).